

ного облика, по практической реализации прекрасного девиза социализма «все для человека, все во имя человека». Один из граждански ответственных наших публицистов М. Антонов так формулирует приоритетный вопрос нашего развития: «Сегодня гораздо более остро, чем вопрос “что и как строить?”, стоит вопрос — “зачем, во имя чего строить?”»¹¹ Перестройка высвобождает духовную энергию народа, и крайне важно, куда она будет направлена. Теория марксизма-ленинизма, обновленная и пополненная духовно-нравственными ценностями, должна нацеливать советский народ на преобразование, одухотворение, облагораживание человека. И в качестве конкретной задачи реализации этой главной цели нашего социального переустройства выступает обеспечение приоритетного развития творческих способностей, возвращение, поиск утраченного нравственного содержания профессиональной деятельности. Причем диалектика социального развития такова, что, решая задачу преобразования человека в социальном, профессиональном творчестве (или, по словам Л. И. Абалкина, кропотливо возвращая социальный гумус), мы тем самым создаем важнейшее условие нашего социального возрождения.

¹ См.: Раушенбах В. К рационально-образной картине мира // Коммунист. 1989. № 9. С. 90.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 192.

³ См.: Крюков М. Трава сквозь бетон // Правда. 1989. 22 июня.

⁴ Антонов М. Время устраивать дом // Москва. 1989. № 3. С. 155—156.

⁵ Руге Л. Объяснение в любви // Сов. культура. 1989. 17 июня.

⁶ Груздев П. Кратко... // Аргументы и факты. 1989. № 25. С. 3.

⁷ Петров М. Блаженны ли нищие духом? // Лит. газ. 1989. 28 июня. С. 12.

⁸ Орлов В. Знак беды // Правда. 1989. 7 янв.

⁹ Афанасьев А. Лунный ландшафт: Интервью акад. Л. И. Абалкина // Комс. правда. 1989. 8 февр.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 387.

¹¹ Антонов М. Указ. соч. С. 166.

В. М. КНЯЗЕВ

Свердловский инженерно-педагогический институт

ТВОРЧЕСТВО И МЕДИТАЦИЯ

Творчество как духовно-практическая деятельность многогранно и может быть рассмотрено с различных сторон. С точки зрения результатов деятельности это открытие нового, прорыв в неизве-

данное, нахождение более эффективных способов и методов познания. Со стороны самой деятельности, ее осуществления это активная вдохновенная работа воображения, гармония бессознательного и сознательного, чувственного и рационального. Со стороны субъекта творчества это обретение человеком духовной свободы, достоинства и гордости творца. В любом случае творчество расценивается как позитивная ценность, благо и полагается как желанная цель человеческого самосовершенствования. Видимо, поэтому каждый желал бы испытать то состояние творчества, которое выражено в стихотворении А. С. Пушкина:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут!

Проблема творчества мыслится нами прежде всего как проблема пути к творчеству. Первостепенное значение имеет для нас вопрос: как достичь желанного состояния творчества — свободного, продуктивного полета мысли, о котором так ясно и образно сказал в стихотворении «Осень» А. С. Пушкин? Поставив вопрос о пути к творчеству, мы неминуемо переводим исследование творчества в плоскость средств, условий, при которых реально достижение состояния творчества и его осуществление.

Медитация является умственным действием, при котором создается благоприятный психический настрой на творчество («пробуждается поэзия», продуктивная сила воображения, энергия вдохновения) и формируется разумная воля по овладению, управлению стихией творчества, она является тем состоянием сознания человека, когда «стихи свободно потекут», когда осуществится свободный полет мысли. Задача творчества — решать жизненные противоречия, отыскивать выход из критической ситуации, давать устремленность человеческому духу на жизнеутверждение, на реализацию целей жизни. Задача медитации состоит в том, чтобы укрепить человеческий дух в этом устремлении, не дать угаснуть огню вдохновения под натиском волн отчаяния и неверия. В чем специфика медитации, каковы ее отличительные черты? Рассмотрим более подробно эти вопросы.

По мнению Л. П. Гримака, «медитация представляет собой состояние, в котором достигается высшая степень концентрации

внимания на определенном объекте или же, наоборот, полное „рассредоточение“ внимания. И в том и в другом случае наступают остановки процессов восприятия и мышления, происходит особого рода чувственная изоляция человека от внешнего мира»². Медитация как состояние имеет некоторые общие черты с гипнозом и сном, но не тождественна им. «Полагают, что это особый, интегрированный или всеобъемлющий рефлекс, осуществляемый через центральные мозговые структуры по механизмам самовнушения, как бы особого характера самогипноз»³.

Механизм действия медитации связывается с динамикой двух фаз памяти: лабильной и стабильной. Медитация отключает ненадолго оперативную лабильную память. При этом как бы рвется непрерывная нить времени осознающего свое бытие сознания. «В состоянии концентрации внимания человек полностью выключается из системы внутренних и внешних раздражителей и сосредоточивается на единичном объекте, а следовательно, теряет возможность правильно оценивать временные промежутки. Основным содержанием переживаний становится ощущение необычной пустоты... подобного рода психическая иммобилизация, связанная с временным отключением основных интегративных механизмов мозга, способствует восстановлению нервно-психических функций человека, оставляя после себя ощущение свежести, внутреннего обновления и радости бытия»⁴. И далее, «при медитации уровень „собственных шумов“ мозга становится предельно низким, а следовательно, появляется возможность наиболее полного использования ассоциативных и интегративных процессов для решения определенных задач, которые формулирует самому себе медитирующий. Не исключено, что в этом случае значительно шире вовлекается в процесс решения та обширная сфера, функция которой в обывденной жизни известна под названием интуиции»⁵.

Таким образом, медитация как состояние есть своеобразная остановка сознания. По своему воздействию на духовный мир человека она противоположна творчеству, ибо творчество есть стихия движения, прорыв в иное; медитация, наоборот, есть действие покоя, остановка перед границей иного и, следовательно, пребывание «здесь», «сейчас».

Техника медитации зародилась в рамках религиозного сознания и была вызвана к жизни необходимостью противостоять иррациональной силе смерти, непредсказуемому облику будущего, упрочить зыбкие основания прошлого опыта, укрепить в настоящем человеческий дух верой, надеждой, любовью. Медитация есть воля смирения, которая сознательно достигается посредством воли разума.

Медитация как психическое состояние может быть понята и объяснена через мировоззренческое действие сознания, ибо она есть следствие, причина же — в действии логики смирения. Поэто-

му медицинского, психологического анализа медитации недостаточно, необходимо ее философское рассмотрение. Оно нужно еще и потому, что медитация как психотехника идеологически нейтральна, но обманчиво нейтральна, ибо она есть средство, которое не существует вне контекста цели. Само средство содержит в себе цель, а цель определяется средствами. Поэтому несправедливые средства отрицают благую цель, а несправедливая цель обращает правильные и добрые поступки в зло. Например, энергия атома может быть энергией разрушения, гибели человечества, а может быть энергией созидания — все зависит от цели ее применения. Так и тенденция, направляемая содержанием мировоззрения, может быть средством вхождения в пространство духовного одиночества, когда человек остается один на один с воображаемым собеседником — Богом, а может быть и средством вхождения в диалогическое поле культуры, где происходит встреча человека с живым и многоликим Собеседником от культуры, с распределенным бытием культуры. Это зависит от мировоззренческого контекста медитации.

Ф. И. Щербатской совершенно прав, когда пишет, что «озарение» буддистского монаха есть результат тщательной подготовки. «Будущий святой проходит длительный курс нравственной тренировки, внимательно изучая все детали соответствующего философского построения; и тогда в момент внезапного озарения, то, что он пред этим пытался понять теоретически, возникает перед ним с ясностью жизненной реальности. Начиная с этого момента он святой, весь его образ мыслей меняется; он непосредственно видит мир как бесконечное продолжение отдельных моментов в их постепенной эволюции к конечному уничтожению»⁶. В состоянии вдохновенного озарения, творческого полета мысли мы видим то, что знаем, устремляемся к тому, что заложено в нас предшествующей работой мировоззрения. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы дать мировоззренчески верные ориентиры для медитационного действия. А с другой стороны, необходимо, чтобы абстрактные мировоззренческие рассуждения не отрывались от медитационного действия, которое оживляет «мертвую» абстракцию чувственно-достоверной реальностью жизненного опыта личности, делает мысль ясной и понятной, а колебание между знанием и незнанием сменяется убежденностью (порой фанатизмом) верующего человека как в истине в открывшемся в озарении знании.

Медитация и творчество связаны в одно целое функциональным единством всех сфер человеческого духа. Творят, по мнению С. Иванова, «лишь те, у кого сильно развито чувство целого»⁷. Это чувство сродни эстетическому чувству, чувству меры, которое позволяет распознать среди изменчивых форм бытия существенное его проявление; оно также сродни чувственной и интеллектуальной интуиции и позволяет выбрать из множества гипотез ис-

тинную, дать ей логически четкую форму выражения. Это чувство, по нашему мнению, рождено целостностью человеческого духа, внутренней работой по преодолению противоречий между сердцем и умом, рассудком и разумом. Творит не разум, а разумный человек, укрепивший силу разума силой чувств и рассудка. И творит человек не ради творчества, а ради воспроизводства целостного, гармоничного бытия.

Чувство целого порождено самим характером человеческой жизни, и оно постоянно присутствует в духовном мире человека. Но подконтрольно ли это чувство человеческому разуму? Да, считает М. Вертгеймер, если мы преодолеем слепоту к структурно-функциональным изменениям цельного по своей природе духа. «В реальном мышлении изменение функционального значения какого-нибудь элемента, суждения в процессе мышления имеет первостепенное значение — без него мышление становится бесплодным. Без осознания такого изменения мы не можем постичь направление развития. Ибо высказывания и т. д. в своем контексте обладают какой-то направленностью. Именно здесь становится особенно ясна основная черта традиционной логики: ее пренебрежение тем обстоятельством, что живые процессы мышления направлены на улучшение данной ситуации»⁸.

Как же в изменении ситуации работает медитация и как она вследствие этой работы изменяется, становясь необходимым условием творчества?

Медитация, как мы уже отмечали, рождена потребностями религиозной практики. Человек перед лицом иррациональных сил жизни оказался слаб и беспомощен. Возникла необходимость достойного выхода человека из пограничных ситуаций. Нужно было укрепить человеческий дух, чтобы бессмыслие смерти, безвыходность пессимизма не иссушали жизненных устремлений человека. Медитация как психотехника, как совокупность детально разработанных приемов самогипноза, соединенная с религиозным мирозерцанием, становится волей смирения и начинает выполнять работу по укреплению и закалке человеческого духа.

«Способность сосредоточения, если она развита полностью, имеет большую силу. Она становится тогда мистической энергией, которая может совершенно остановить жизнь. На пути спасения это последний и наиболее решающий шаг. Эта сила может также перенести индивида в высший план бытия, и тогда он перерождается или переносится в область эфирных тел...»⁹ Разумеется, речь идет не о телесном, а о духовном перерождении, которое существенно влияет и на человеческое тело.

За счет чего же достигается такой результат? За счет воли, которая регламентирует, дисциплинирует жизнь духа до малейших его проявлений, за счет смирения, которое проистекает из веры в непогрешимость и истинность религиозных идей, в наставле-

ния религиозного учителя и, наконец, в себя, а также из надежды на успех и умиротворенное чувство любви и бескорыстия. Все это и создает благоприятный фон для действия воли сосредоточения. Медитирующее сознание мистика беспрепятственно творит астральные, ментальные и прочие миры, полагает в них смысл и цель человеческого существования и тем самым компенсирует отсутствие цели и смысла в реальном мире. Так или иначе, но медитация как воля смирения создает для человеческого духа условия для мифотворчества, для изменения не устраивающей человека ситуации. Правда, ситуация меняется не посредством изменения объективных обстоятельств, неподвластных воле человека, а посредством изменения человека, его отношения к этим обстоятельствам в полном соответствии с логикой смирения. Создается иллюзия решения объективных проблем, осуществляется своеобразный уход от неподвластного объективного мира в управляемую реальность субъективности.

Рано или поздно это становится ясно человеку, и его уже не может удовлетворять медитация как воля смирения, ибо она не дает действительного решения проблем. Тогда человек по-иному оценивает медитацию: весь трудный путь учебы сосредоточению, всю школу медитации как воли смирения он называет отныне предмедитацией, а собственно медитацией называет состояние психического транса, акт мистической интуиции. К примеру, в классической йоге все ступени физического, нравственного, психического, умственного самосовершенствования (Яма, Нияма, Асана, Пранаяма, Пратьяхара, Дхиана) относятся к предмедитации, а собственно медитация — Самадхи — невыразимое в словах состояние единения человеческого духа с Абсолютом (Атманом). Но понятая таким образом медитация совершенно иррациональна и неподконтрольна разуму. Тем не менее именно она составляет вожеленную цель всех мистиков.

Культивирование медитации как буйства иррациональной стихии сознания, апофеоза бессознательного основывается на негативизме контркультуры. Ее действие разрушения лишь внешне напоминает созидательную деятельность творчества. Йоговская Самадхи, дзен-буддистское Сатори тождественны с творчеством лишь со стороны отрицания, ибо творчество есть разумная воля, не только отрицающий разум, но и созидающий. Говоря словами Гегеля, разум, дойдя до «нулевого результата» в своем отрицательном действии, затем выступает как положительный разум, который «восстанавливает первоначально простое, но как всеобщее, которое конкретно внутри себя»¹⁰. Поэтому медитация, дойдя до иррационального своего бытия, должна стать волей разума, должна, по сути, превратиться в творческий порыв. Но, чтобы это произошло, человеческому сознанию необходимо вырваться из пут *религиозного* мировоззрения с его волей *смирения* и не по-

пасть в объятия простого и доступного *нигилизма контркультуры*. И покорность, и бунт необходимы человеческому духу, но в разумной мере. Мера же, ее знание, как известно, есть результат трудного пути самосовершенствования, где смирение и бунт неизбежны и бессмысленны, если человек все-таки достигает духовной свободы творчества.

Итак, медитация как психическое состояние есть особого рода самогипноз, как духовное действие — воля смирения и воля разума. Она ведет к настрою на творчество, есть условие творчества.

В заключение подчеркнем, что медитация как психическое состояние и духовное действие лишь тогда становится условием творчества, когда она опосредована духовной силой жизнеутверждающего мировоззрения и является моментом работы целостного духа, знающего меру разрушающего нигилизма и созидającego разума. В противном случае она превращается в самоцель, в волю смирения, в односторонность нигилизма или в модную психологическую причуду суетного, потерявшего себя человека.

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. М., 1985. С. 522.

² Гримак Л. П. Резервы человеческой психики. М., 1989. С. 250.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988. С. 215.

⁷ Иванов С. М. Быстрый холод вдохновения. М., 1988. С. 203.

⁸ Вергеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 296.

⁹ Щербатской Ф. И. Указ. соч. С. 208—209.

¹⁰ Гегель. Сочинения. Т. 5: Наука логики. М., 1937. С. 4.

В. А. КОСТИН

Свердловская высшая партийная школа

ДИАЛЕКТИКА САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦЕНТРАЛИЗМА

В условиях «демонтажа» административно-командной системы, являющейся тормозом развития нашего общества, становится очевидным, что общество, игнорирующее инициативу и самостоятельность масс, не может успешно функционировать и развиваться. Если положение о возрастающей роли человеческого фактора достаточно прочно вошло в общественное сознание и является обоснованным теоретически и печальным опытом, то вопрос о том,